

Сидони Боннек

ДЕВУШКА
ДЛЯ
УСЛУГ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Б 81

Sidonie Bonnec
LA FILLE AU PAIR
Copyright © Éditions Albin Michel – Paris, 2025
Published by arrangement
with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского
Ирины Волевич (с. 5–174) и Юлии Рац (с. 175–350)

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Владимира Гусакова

ISBN 978-5-389-29613-8

© И. Я. Волевич, перевод, 2026
© Ю. М. Рац, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Я стою в пустоте. Как персонаж из мультика, который, начав падать с утеса и не сразу это заметив, продолжает перебирать ногами в воздухе. Я уже заметил.
А теперь начинаю падать.

Ричард Матесон. Где-то во времени¹

¹ «Где-то во времени» («Bid Time Return», также «Somewhere in Time», 1975) — фантастический роман Ричарда Матесона о путешествиях во времени, перевод И. Иванченко. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Окружающее пространство кажется бескрайним, бесформенным, однако я чувствую, что заперта. И судорожно цепляюсь за стенки, боясь падения в пустоту. Пальцы служат мне антеннами, они ощупывают, обшаривают — они смелей, чем я. Потому что в какой-то момент мне хочется исчезнуть, перестать быть собой; я готова отречься от всего на свете — так жестоко меня терзает страх; готова покорно принять все, закрыть глаза на то, что я знаю, что увидела, что поняла. Я буду послушной — бедной послушной девочкой, без привязанностей, без будущего, — мною можно вертеть как угодно. Тьма — отличный экран, и я проецирую на него безумный фильм этих последних месяцев. Мой мозг готов взорваться от воспоминаний, переживаний, ощущений, сомнений — он мгновенно обрабатывает их и выбрасывает все это наружу беспорядочными кадрами. Я пытаюсь собрать мысли воедино, но не понимаю, где я. Голова раскалывается от боли. Мне хочется так вот и стоять, прижавшись к стене, к этой ледяной бетонной стене, до тех пор пока меня не найдут и не успокоят; я буду умницей, клянусь вам! — только выведите меня на свет божий! Я сумею притвориться, что все у меня в полном порядке!

Мои глаза никак не могут привыкнуть к темноте, к этому вязкому и влажному мраку. Я шарю вокруг себя,

как слепая, задыхаясь от вони старья, дерева, мочи, воска, свечных огарков.

И все же одно я знаю точно — знаю, что все изменилось.

Отрываю руки от стены и вслепую, осторожными шажками продвигаюсь вперед, безумно боясь упасть, боясь причинить себе боль, боясь испугаться всерьез. Мне чудится, что я иду великанскими шагами, но на самом деле одолеваю всего несколько сантиметров. Внезапно мои протянутые руки на что-то натываются, и пальцы охватывает судорожная дрожь. Это чья-то кожа. И конечно, две эти кожи узнают одна другую. Та, чужая, — холодная и какая-то рыхлая. Где-то в глубине моего горла рождается крик, он вырывается наружу — хриплый, безумный... Но *та* кожа не реагирует.

*Прежде. Плуэрнек¹, понедельник,
12 февраля 1996 года*

Небо — тусклое, серое — изливает все свое содержимое на учеников, бегущих между железобетонными ногами огромного паука — лица имени Шатобриана. Мы с Морганой вихрем вылетаем наружу, чтобы успеть на наш автобус, прибывающий в 18:12; следующий подойдет только в 18:55, и ждать его нет никакого желания. Что тут делать, в этом Пемполе, в феврале месяце, когда городок уже окутывает тьма, наш лицеишко заперт, а в кафе на углу полно всякой пьяни? Ровным счетом ничего, уверяю вас. Лучше уж ехать домой.

Нда, раз уж тебе выпало родиться в Плуэрнеке (месте, которое и городом-то не назовешь и которое ты ненавидишь), ты все-таки не хочешь беречь себе душу и называешь его городом, не поселком. А куда деваться — нужно довольствоваться тем, что есть. Мы успеваем вовремя; автобус заглатывает своих пассажиров, а потом выплевывает, одного за другим или целыми гроздьями, на дорогу, бегущую вдоль скалы. Морганя прилипла к окну — это ее любимое место — и натягивает рукава своего черного акрилового свитера на пальцы, чтобы скрыть царапины. У нее длинные, темные, кудрявые волосы и прямой носик — эдакая грустная принцесса; ве-

¹ *Плуэрнек* — коммуна в округе Кемпер (Бретань).

зет же некоторым родиться такими хорошенькими! Я на этот счет могу не переживать: на меня никто не смотрит, да и смотреть-то не на что: белобрысая, бесцветная, волосы патлами, нос крючком. Разглядываю других наших школьниц: интересно, на что они надеются? Все как одна уродины — толстые, неуклюжие, в мешковатых блузах, скособоченные под своими тяжеленными ранцами.

Наш лицей — это сто пудов обещаний: математика — для блестящей карьеры инженера; латынь — для поступления в Эколь Нормаль¹; история с географией — для завидного удела журналиста. Но если вдуматься, разве кто из нас в это верит? Как бы не так — потому что завтра, когда ты проснешься, будет все то же самое и дорога поведет тебя в обратную сторону. Подъем в шесть двадцать утра, автобус в семь, и ты выходишь из дома, прилепившегося к соседним, одна-одинешенька, с этим распроклятым ранцем, сулящим «успех в жизни». Ты даже не успеваешь доесть свои гренки; на улице темень, холод собачий, и никто тебя не провожает: родители ушли на работу еще раньше.

Ты думаешь, у них есть время попить жасминовый чай, почитывая утреннюю прессу? Нет, куда там: они уже вовсю вкалывают в устричных садках и им плевать на твои дерзкие подростковые мечты... Если бы ты могла взглянуть на все это сверху, то увидела бы десятки зомби, которые выходят из своих убогих бараков, шагают в одинаковом ритме, свесив руки, втянув головы в воротники курток, где еще сохранилось немного тепла, шаткой поступью недоспавших людей, и все они топа-

¹ *Эколь Нормаль (École normale supérieure, Высшая нормальная школа)* — одно из самых престижных учебных заведений Франции, готовящее преподавателей.

ют к остановке автобуса «Мельница Крака», чье «р» кто-то замазал шулки ради, чтобы позабавить туристов, но только не молодежь Плуэрнека, ибо «Мельница Крака» — это наш исконный памятник, последняя ветряная мельница на северном побережье Бретани, которая до сих пор исправно перемалывает здешнее зерно в муку, — это тебе о чем-нибудь говорит? Она стоит на прибрежной скале вот уже два века, — пожалуй, это единственное, что у нас тут работает усердно и безотказно. Даже если она, как и мы, никогда не воспаряла в небеса.

Моргана слушает мои едкие рассуждения, изредка вставляя: «Эммилу...» — и нервно почесывая тыльную сторону руки. У нее две сестры и два брата. И она, как и я, не больно-то переживает за свою семью. Слишком много там детей, долгов, работы и всего прочего, а родителей почитай что и нет. Ее папаша рыбачит в Северной Атлантике, на шхуне, — это такой адский труд, что не обрадуешься; а мамаша сидит за кассой в магазинчике самообслуживания: там теплее и покупатели сорок раз на дню говорят ей «бонжур» и «мерси», но работенка та еще! Ну а что касается времени, его нет ни в ее семье, ни в моей. На филологии мы все это изучаем — понятие времени и прочие важные вопросы, с ним связанные: например, в какой степени время принадлежит нам? Или: в каком смысле можно сказать, что человек существует не только в настоящем? И что такое время — служит ли оно каким-то ограничением для человека? И кто оно нам — враг или союзник? Но кому охота ставить перед собой такие вопросы? И уж тем более на них отвечать...

У нас дома на все один ответ: мне некогда! И каждый раз я прямо задыхаюсь от злости, ору на родителей и на младшую сестренку Маэль. А Моргана — та наоборот:

не спорит, молчит, замыкается. И причиняет себе боль — до крови расцарапывает ногтями левой руки тыльную сторону правой. Это она не нарочно: такая у нее болезнь. Я прикрываю ладонью эту злосчастную руку и чуть-чуть сжимаю ее, чтобы она почувствовала тепло и чтобы эти царапины зажили. Мы с Морганой не родные — мы больше чем родные, потому что осознанно выбрали друг дружку. И тогда она вынимает свой «Уокмен», надевает наушники и слушает Жан-Жака Гольдмана¹ — ее любовь, идола ее жизни: «Я пойду за своей мечтой к горизонту моей мечты...»² Лично я предпочитаю *мечтать* по-английски: «But I still haven't found what I'm looking for...»³ — вот мое бегство от действительности, мое будущее. Мы с Морганой поклялись друг дружке вырваться из нашей здешней помойки и удрать куда-нибудь подальше, как можно дальше от этих мрачных скал, многокилометровых унылых ланд⁴ и домишек, сложенных из розового гранита, потемневшего от вечной непогоды.

Потому что здесь даже розовый гранит выглядит грязно-серым.

¹ Жан-Жак Гольдман (р. 1951) — французский поп-рок-музыкант, автор-исполнитель и музыкальный продюсер, одна из самых популярных фигур на французской поп-рок-сцене.

² Цитируется песня Жан-Жака Гольдмана «Au bout de mes rêves» с его альбома «Jean-Jacques Goldman» (1982).

³ «Но я все еще не нашел того, что ищу...» (англ.) — цитата из одноименной песни, хита ирландской рок-группы U2 с их альбома «The Joshua Tree» (1987).

⁴ Ланда — песчаная равнина на юго-западе Франции.

Запах сигариллы щекочет мне ноздри. Я притворяюсь, что мне это приятно, но на самом деле нахожу его противным. Хотелось бы купить сигареты, какие курят парни вокруг, но они слишком дорогие, вот и приходится смолить эти тонкие сигаретки, подаренные папе его хозяином. У нас дома не курят; коробка выставлена на комод «для красоты» и больше ни для чего. Иногда поздно вечером, когда все уже спят, я вытаскиваю из нее одну такую сигарку, сжимаю ее губами, открываю окно в своей комнате и смотрю в ночь. Закуривать не спешу — долго верчу в руках кремневую зажигалку, найденную в ящике комода матери (вот уж где настоящая помойка!). Щелкаю зажигалкой несколько раз, чтобы придать себе важности, продлить удовольствие. Выпускаю дым изо рта; табак крепковат, голова слегка кружится. Выкашливаю дым в черный ночной воздух и рассказываю себе всякие истории. Вот я блестящая парижская адвокатша и обсуждаю свое последнее дело с моим коллегой. Время позднее, офис опустел, и мы с ним курим, попивая виски, чтобы расслабиться. А иногда я представляю себя писательницей, ведущей поздние вечерние беседы с героями своих книг. И еще мне нравится воображать себя журналисткой, которая готовится к интервью где-нибудь в колумбийской Медельине, делая записи в блокноте, истрепанном от долгих поездок, и покуривая у стойки бара своего отеля с сомнительной репутацией.

Но сегодня вечером я никто и звать меня никак, прямо выть хочется от тоски. Однако мне запрещено звонить Моргане. «Вы слишком долго болтаете, — говорит мать, — сплошное разорение! Я не для того вкальваю, чтоб вы могли чесать языки». Именно так и выражается. И не понимает, как мне это больно. Ей-то говорить не с кем, а вот нам с Морганой позарез нужно выговориться, излить душу, успокоить друг дружку, помечтать вслух — это прямо как бальзам на сердце. Мой гнев бьется о стены каморки под крышей. В нашем убогом доме я чувствую себя крошечной, беспомощной, жалкой. И стыжусь нашего квартала, куда власти решили согнать самых бедных жителей города, — этого гетто с четко обозначенными границами, в которое уже не допускают новых обитателей. Я здесь просто задыхаюсь.

К счастью, у меня есть книжки. Десятки «карманных изданий» — правда, довольно потрепанных; я подбираю их возле домов на морском берегу. Отдыхающие всегда забывают или выбрасывают такие; а когда мне нужно что-нибудь определенное, я иду на субботний рынок, к торговцам дешевыми изданиями, по франку за штуку, их там полным-полно. Меня это возбуждает даже больше, чем покупка какого-нибудь нового пуловера. На моих полках целая мешанина из самых разных книжек: Золя мирно соседствует с Бретом Истоном Эллисом, Мопассан щедро делится местом с Реймондом Карвером. Вот она — моя утеха, моя радость! Ладно, хорош смолить. Я давлю окурков сигариллы о подоконник (и без того грязный): пора закончить просмотр заданий моего «бака» по истории¹. Может, завтрашний день будет поинтереснее. Мечтать никогда не вредно.

¹ «Бак» (фр. baccalauréat) — степень бакалавра после успешного окончания средней школы.

«Противостояние великих держав на мировой арене начиная с 1945 года». Вот уже три часа, как мы потеем над этим сюжетом на письменном экзамене по истории. Головы склоняются над партами, руки подпирают лбы, глаза бегло встречаются с другими глазами, в классе царят усталость и отчаяние. У меня осталось меньше часа, чтобы закончить сочинение. Тема не такая уж захватывающая, но я стараюсь вовсю. Чтобы стать журналисткой, знание истории необходимо — так мне сказал наш проф. Вдруг открывается дверь, входит директор школы и что-то шепчет на ухо преподавателю; тот покорно кивает, оглядывает класс, подходит ко мне, шепотом велит забрать свои вещи и идти за директором. Я ничего не понимаю, ни о чем не думаю, делаю, что мне велит. Шагаю по длинному безмолвному коридору, задевая плечом десятки пальто, вяло свисающих с крючков на стенах. Слышу только четкие, размеренные шаги директора, звучащие на ноте «ля», а потом свои — пытающиеся попасть им в такт.

Войдя в свой кабинет, директор каким-то странным тоном объявляет, что я должна выйти во двор, там кое-кто хочет со мной поговорить. Больше он ничего не может мне сказать, это не его дело. Я бегу вниз по лестнице, считая ступеньки, чтобы не потерять равновесие, не

потерять голову; пересекаю двор с тремя облысевшими деревьями, изображающими лесок.

У решетчатой ограды вижу мужской силуэт, — похоже, это отец Морганы. Сейчас десять минут двенадцатого — что ему тут понадобилось? Моя подруга сегодня не пришла на остановку автобуса; я решила, что она приболела, с ней такое иногда случается. Отворяю правую калитку, она жутко тяжелая и влажная, у меня на руке даже след отпечатался.

— Привет, Жерар.

У него какое-то странное лицо — так он выглядит в выходные дни, когда не плавает на своей шхуне. Он подходит ко мне, и я слышу: «С Морганой...» Сейчас его голос не похож ни на зычный моряцкий, ни на отцовский, да и сам он выглядит как призрак. Потом повторяет:

— С Морганой несчастье... Покончила с собой...

Я не понимаю эту фразу. Хотя слышала такие слова по телику, читала в романах — в общем, знала во всех видах, во всех временах. И внезапно падаю в обморок.

Ненавижу эту песню. А ведь я раньше так ее любила. Помню тот день, когда Моргана открыла ее для меня: стоял жуткий холод, мы сидели на кровати в ее комнате, закутавшись в пестрый плед (полиэстер 100 %). Она вставила кассету в плеер и нахлобучила на меня наушники. И вот, сквозь еле различимую, прерывистую мелодию, я услышала эти душераздирающие слова: «Раз ты уходишь...»¹ Это история о человеке, которого нельзя удержать, чье сердце бьется уже где-то далеко. О человеке, с которым не хотят расставаться, но чью руку все-таки нужно отпустить. Эти слова Жан-Жака Гольдмана — когда ты слушаешь их вместе с подругой — проникают тебя насквозь, и все-таки это просто песня, рассказ об уходе того, кого ты знать не знаешь, история, которая волнует, но не касается лично тебя, — вот что хорошо, когда речь идет о чужом несчастье. Но если оно настигает тебя, эта мелодия — будто нож в сердце. Некоторые песни сочинять нельзя, или уж по крайней мере их нельзя слушать. Вот эта — я точно знаю — теперь будет ранить мою душу до конца жизни...

¹ Песня Жан-Жака Гольдмана «Puisque tu pars» с его альбома «Entre gris clair et gris foncé» (1988).

Гроб стоит в центральном нефе церкви. На его новенькой полированной крышке — фотография в рамке, лицо моей лучшей подруги. Улыбающееся. Я думаю: «В какой же это день она так улыбалась?..» Наверно, была счастлива в тот момент; а может, представляла, какая прекрасная жизнь ждет ее в будущем; или же любила того, кто ее снимал; или просто потому, что на фотках полагается улыбаться. Меня одолевает тошнота. Как же она неуместна — эта улыбка; как здесь все отвратительно! Если бы ей сказали: «Это фото поставят на твой гроб; оно станет твоим последним снимком, твоей последней улыбкой, обращенной ко всем этим лицам, распухшим от слез, ко всем близким, пришедшим на эту прощальную службу, на твою *погребальную церемонию*, как это называют взрослые...» Мне никак не удастся связать воедино этот ящик и лицо Морганы, пока я стою между ее родителями и друзьями, а кюре вещает скороговоркой о другой, загробной жизни, призывая нас радоваться «началу жизни вечной»...

Не понимаю, почему там, на улице, хорошая погода, тогда как здесь, внутри, все залито слезами. Неделю назад Моргана выбросилась из окна своего дома, с шестого этажа, без крыльев, и рухнула на бетон, рядом с детишками, игравшими на улице. Она не оставила прощального письма — одну только пустоту, которую я теперь заполняю вопросами. Почему она решила умереть, почему не поделилась со мной? Чего ей не хватало? Неужели ей не хватало меня?

На этих вопросах и под эту музыку, от которой мне хочется сдохнуть, гроб выносят и опускают в землю, рядом с другими мертвецами, рядом с другим горем. Потом родители Морганы приглашают нас в церемониальный зал Плуэрнека. Обстановка странная. Несколько разноцветных воздушных шариков, белые картонные подно-

сы с печеньем, кувшины с апельсиновым соком и прозрачные пластиковые тарелки. Так бывает на праздниках по случаю первого причастия или десятилетия ребенка. На одном из столов стоит фотография Морганы; я смотрю на нее и мысленно спрашиваю: «Ну и как мне теперь выпутываться одной, без тебя?»

Чудной какой-то получился вечер... Сижу, скрючившись в продавленном кресле, в обществе пяти самых близких подружек Морганы — все они примостились на старом вытертом диване перед камином, и от его жара горят щеки. Здесь уютно, спокойно, взрослых нет, одни только мы; выпиваем и беседуем вполголоса, мирно, никому ничего не доказывая. Это все происходит в доме Виржини — подружки Морганы. Ей не то чтоб сильно хотелось приглашать нас, просто она единственная, кто чувствует себя вольготно в родном доме. Я с ней не очень-то близко знакома. Прежде мы никогда не разговаривали — мне даже казалось, что она меня игнорирует, когда я встречала ее с Морганой. Но сегодня вечером все иначе — нас сплотило несчастье. Виржини предлагает каким-нибудь двум девчонкам из нашей компании заночевать у нее — слишком уж тяжело остаться в одиночестве при такой скорби, и никто больше не может понять ее горе, кроме нас. Я не очень-то общительна, но ввиду таких обстоятельств соглашаюсь. Мои родители слишком устают от работы, чтобы утешать меня. И я говорю:

— А твои предки не будут против?

— Мои предки? — с усмешкой переспрашивает она. — А они-то тут при чем? Мой папаша сбежал от нас три

года назад — просто в один прекрасный день не вернулся с работы, и ищи-свищи! Да и мать дома редко: она портниха, но ее заработков не хватает на жратву и квартплату, и по ночам она убирается в помещениях «Фимапеш», в промышленной зоне. Так что я сама себе хозяйка, у меня только одна забота — присматривать за близнецами. Они сейчас уже заснули, им по восемь лет; мои предки их не ждали, но все же были довольны: одним махом родили двоих... Только не шумите, когда пойдете в мою комнату, — они спят рядом, за стенкой.

Ее комнатуха еще меньше моей — это крошечная мансарда, но деревянные стены хорошо держат тепло, и двуспальная кровать сейчас очень даже кстати. Мы укладываемся в нее все втроем. Перина приятно греет, и наша печаль слегка унимается. Мы вспоминаем самые веселые минуты, проведенные с Морганой, даже хохочем как ненормальные. Я расслабляюсь и, глядя на звезды, мерцающие за окнами фирмы «Velux», откровенно рассказываю, как мы с Морганой мечтали о другой жизни, обсуждали, куда бы нам уехать, чтобы вырваться отсюда. Вот это нас и сдружило — мы без конца прикидывали, как найти решение, не требующее денег. Представляли себе, как будем работать там и сям, чтобы оплачивать учебу и комнату, которую снимем на двоих. В общем, строили планы на будущее... и вот теперь передо мной бездна.

Виржини тоже рассказывает о себе. Перед тем как начать учиться на курсах косметики, ей удалось попутешествовать; она бросила занятия в конце первого семестра, не пожелав даже получить «бак». Ее папаша сбежал из семьи, мать то и дело впадала в буйство, и Виржини взяла да и свалила в Англию, где прожила целый год.

— Вау, в Англию?!

Боннек С.

Б 81 Девушка для услуг : роман / Сидони Боннек ; пер. с фр. И. Волевич, Ю. Рац. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-29613-8

В частной резиденции в лондонском пригороде все выглядит идеальным. За гигантскими воротами прячутся пять роскошных особняков, в которых живут богатые, благополучные и благовоспитанные семьи с детьми и «девушками для услуг», нанятыми за рубежом и хлопотущими по хозяйству. Вчерашняя школьница Эммилу бежит сюда из захолустного городка в Бретани, устроившись такой вот работницей, — присматривать за детьми, прибираться в доме, учить английский, готовиться на журфак, узнавать жизнь. И первое время ей кажется, что она попала в рай.

Но от райских кущ отчетливо несет адской серой. Неотвязная, постоянная усталость, страшные сны, зловещие шепоты, приглушенные ночные молитвы, болезнь старшего ребенка, о которой никто не поминает ни словом... Эммилу постоянно под надзором, отрезана от мира, ей запрещено выходить за ворота, и постепенно она погружается в бездну неотступной паранойи. Что происходит? Чего хотят эти богатые и благовоспитанные люди? И как от них сбежать?

Сидони Боннек, французская журналистка, радио- и телеведущая, дебютировала с завораживающим психологическим триллером о том, как поиски лучшей доли порой заводят невинные души в преисподнюю, и о том, что «бесправный» не значит «беспомощный». И знаете, что самое страшное? Эта история вдохновлена реальными событиями.

Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

СИДОНИ БОННЕК
ДЕВУШКА ДЛЯ УСЛУГ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Инна Безрукова
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Алиса Павлова, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспага кол койылды 09.02.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 21,56. Заказ №

Иготовитель:	Өндүрүш:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-RBD-38741-01-R